

VITALIY VOYT

БИТВА
ЗА
ГАМАЛЕЙ
или
ВОЙНА ВЕДЬМ

ВТОРАЯ ЧАСТЬ
БОЛОТНАЯ ВЕДЬМА
ЛЮДРИНА

ДУГАНЩИТА

ГАМАЛЕЙ

ПУСТОШИ

Vitalii Voyt

**«Война ведьм, или Битва
за Гамалей» Книга вторая
«Болотная ведьма Людрина»**

«Автор»

2026

Voyt V.

«Война ведьм, или Битва за Гамалей» Книга вторая «Болотная ведьма Людрина» / V. Voyt — «Автор», 2026

Битва за Гамалей, или Война ведьм Часть II. Болотная ведьма Людрина Тьма поглотила Элаю, превратив ее в самое могущественное оружие зла. Пока древняя хранительница Николита, великий маг Серафим и ведьма Габриэль вступают в отчаянную битву, мир оказывается на грани гибели. Но существует та, кого боятся даже самые древние ведьмы. В самом сердце проклятых болот скрывается Людрина — загадочная болотная ведьма, хранящая тайны, способные изменить ход войны. Никто не знает, кому она служит. Протянет ли она руку тем, кто сражается с тьмой? Или встанет рядом с Элаей и поможет погрузить мир во вечную ночь? Когда древние силы пробуждаются, а цена каждой ошибки становится слишком высокой, героям предстоит узнать страшную правду: иногда судьбу мира решает не самая могущественная магия, а выбор одного человека... или одной ведьмы. На чьей стороне окажется Людрина? Спасет ли она мир... или станет причиной его конца?

© Voyt V., 2026

© Автор, 2026

Vitalii Voyt

«Война ведьм, или Битва за Гамалей»

Книга вторая «Болотная ведьма Людрина»

«Война ведьм, или Битва за Гамалей»

Книга вторая

«Болотная ведьма Людрина»

Автор: Vitaliy Voyt

Глава 1. Неузнаваемый город

Гареш... Сколько прекрасного можно рассказать об этом маленьком, но удивительно уютном городе.

Первое, что приходит на ум, — загадочный фонтан в самом центре. Он притягивал взгляды каждого, кто хоть раз ступал на улицы Гареша.

Для путников, которых сюда стекалось великое множество, не увидеть этот фонтан считалось почти преступлением. Самым настоящим преступлением.

Казалось бы, что в нём особенного? Фонтан как фонтан. Разве мало подобных в других городах? Но этот был не похож ни на один из них.

Он висел в воздухе вверх дном.

Да-да, прямо в воздухе.

И никто не мог объяснить, каким образом многотонная каменная конструкция удерживается без единой опоры.

Не раз самые любопытные пытались разгадать эту тайну. Они искали невидимые цепи, магические нити, скрытые балки, взбирались по лестницам, подпрыгивали, стараясь хоть немного сдвинуть фонтан с места. Но всё было напрасно.

Даже во время сильнейших бурь он не дрожал и не отклонялся ни на волос, продолжая безмятежно парить над землёй.

Вода стекала вниз серебристыми потоками, но, не долетая до мостовой, словно оживала. Она плавно изгибалась, возвращаясь обратно в чашу фонтана, рисуя в воздухе удивительные узоры, будто играла сама с собой.

Жители Гареша давно привыкли к изумлённым лицам приезжих. Они с улыбкой наблюдали за очередным смельчаком, уверенным, что именно ему удастся раскрыть секрет перевёрнутого фонтана.

К вечеру возле него неизменно собиралась толпа.

Кто-то спорил.

Кто-то строил невероятные догадки.

Кто-то вновь приносил лестницу.

А местные лишь посмеивались.

Для них фонтан давно превратился в настоящий театр, где каждый новый путешественник становился главным актёром представления. Таких гостей гареши в шутку называли бездельниками.

Но не одним фонтаном славился Гареш.

Жители города обожали песни, шумные танцы и, конечно же, знаменитый медовый эль — главный символ своего дома.

Во всём Западном побережье трудно было найти напиток ароматнее, крепче и душистее. Многие путники приезжали сюда именно ради него... а затем неожиданно для себя задерживались на несколько дней.

*По вечерам над площадью разносилась любимая песня гарешей:
У фонтана вода не ложится к земле,*

Там ведьмы танцуют при лунном огне.

Шепчут заклятья — и воздух дрожит,

*А звёзды глядят, как Гамалей спит.
Эй, наливай же, гареш, медовой!*

Пей за огонь и за свет над землёй.

Пусть ведьмы летают — а нам всё равно,

Мы с песней и элем не тронем их зло.

Эту песню могли распевать целыми вечерами, кружась вокруг фонтана, хлопая в ладоши и отбивая ритм каблуками о каменную мостовую.

Гареши были добрым народом, хотя с незнакомцами держались немного настороженно. За долгие годы они привыкли к нескончаемому потоку путешественников, бродяг, торговцев и простых зевак, приезжавших сюда отдохнуть, выпить кружку знаменитого эля, полюбоваться удивительными пейзажами и услышать песни, которые в Гареше звучали почти каждый вечер.

К слову, вечернее пение всегда начиналось ровно в пять часов.

Ни дождь.

Ни ветер.

Ни праздник.

Ничто не могло нарушить эту традицию.

Однако было бы ошибкой думать, что большинство путешественников приезжало сюда лишь ради перевернутого фонтана или знаменитого медового эля.

Нет.

Истинная причина была совсем иной.

В самом сердце Гареша находилось место, ради которого люди преодолевали сотни километров.

Лавка Николиты.

Она возвышалась на центральной площади, мгновенно приковывая к себе взгляд каждого, кто входил в город.

Даже среди ярких и нарядных домов Гареша это строение выглядело чужим.

Таинственным.

Пугающе прекрасным.

Его стены были сложены из чёрного гранита, отполированного до зеркального блеска. Казалось, камень вобрал в себя самую глубину ночного неба.

Гранитные плиты были подогнаны настолько идеально, что между ними невозможно было заметить ни единого шва. Создавалось впечатление, будто здание выросло само, повинаясь древней магии, а не было построено человеческими руками.

Особое внимание привлекали две статуи у входа.

Мрачные фигуры в длинных рясах с глубокими капюшонами поднимали руки, удерживая тяжёлый каменный карниз.

Иногда казалось, что они меняют позу.

Одни клялись, что видели движение руки.

Другие утверждали, будто статуя слегка наклонила голову.

Но никто и никогда не мог сказать, когда именно это произошло.

Главная дверь лавки была почти двухметровой высоты и сплошь покрыта древними узорами, уходившими глубоко в камень.

Каждая линия переплеталась с другой, образуя сложный орнамент, в котором каждый символ словно скрывал собственную историю.

Но самой странной деталью был круглый проём прямо над дверью.

Казалось, его не высекли инструментами, а прожгли невероятно грубой магией.

Чтобы попасть внутрь, посетитель должен был просунуть голову в отверстие и произнести своё самое сокровенное желание.

Если желание было искренним, дверь медленно открывалась с тяжёлым каменным скрежетом.

Если же человек лгал самому себе — дверь оставалась неподвижной, словно была частью скалы.

О хозяйках лавки ходило множество легенд.

Одни шептались, что перед ними две тёмные колдуньи, связываться с которыми — значит добровольно навлечь на себя беду.

Другие рассказывали о чёрной ведьме Николите, подчинившей своей воле собственную сестру — Габриэль.

Николита была женщиной поразительной красоты.

Длинные чёрные волосы ложились тяжёлыми локонами на открытые плечи.

Высокий рост, благородная осанка и утончённые черты лица придавали ей величественный вид.

Но больше всего завораживали её глаза.

Холодные.

Бездонно-голубые.

Словно два осколка замёрзшего неба.

Любой мужчина, встретившись с ней взглядом, на мгновение забывал обо всём.

Казалось, сама её сущность была наполнена магией.

Даже голос Николиты обладал странной силой. Стоило ей заговорить, как окружающие невольно замолкали, прислушиваясь к каждому слову. И порой казалось, что даже листья на деревьях переставали шелестеть, чтобы услышать её.

Габриэль ничуть не уступала сестре ни красотой, ни влиянием на жителей Гареша.

Высокая, стройная, с длинными чёрными волосами до самой поясицы, она обладала яркими изумрудными глазами, в которых постоянно плясали озорные искры.

Казалось, она всё время что-то задумывает.

Несмотря на внешнее сходство, сёстры были совершенно разными.

Если Николита оставалась спокойной, рассудительной и холодной, то Габриэль была живой, энергичной и непоседливой. Ей постоянно нужно было куда-то спешить, и чаще всего она всё равно опаздывала.

Возможно, причиной тому была её дочь — Элая.

Габриэль души в ней не чаяла.

Она старалась проводить с дочерью каждую свободную минуту, окружая её заботой и любовью.

Николита же почти всё своё время посвящала лавке, старинным рукописям, древним обрядам и магическим исследованиям.

Иногда она оставалась там даже ночевать.

И только Габриэль знала страшную тайну, скрывающуюся за массивными дверями лавки.

Время в Гареше текло спокойно и размеренно.

Казалось, здесь никогда ничего не меняется.

Лишь Николита с каждым днём становилась всё тревожнее.

Даже жители города, привыкшие видеть её невозмутимой, начали замечать перемены.

Она всё чаще запиралась в лавке, а иногда не принимала ни одного посетителя.

Закрытая лавка...

Такого Гареш не помнил с тех самых пор, как здесь появились две сестры.

Раньше двери открывались ежедневно — ровно в восемь часов утра — и закрывались лишь в пять вечера.

Теперь же всё изменилось.

Что-то происходило.

Что-то незримое медленно приближалось к Гарешу.

Но что именно?

В те дни, когда Николита закрывала лавку для посетителей, она запиралась за массивными двухметровыми дверями и часами изучала старинные рукописи, пергаменты, манускрипты и потёртые свитки, на которых время почти полностью стёрло древние письмена.

Сама лавка, словно чувствуя настроение хозяйки, порой начинала жить собственной жизнью, творя странные, а иногда и по-настоящему пугающие вещи.

В полной тишине внезапно раздавался бой настенных часов, который неожиданно превращался в душераздирающий крик, полный ужаса.

И снова наступала тишина.

Из тёмного угла доносились чьи-то осторожные шаги, скрипели половицы. Затем всё вокруг замирало. Наступала такая мёртвая тишина, словно сама жизнь покидала это место, оставляя после себя лишь пустоту.

Но через мгновение шаги возвращались.

Они становились всё быстрее... всё ближе...

Пока наконец не превращались в оглушительный грохот, будто мимо лавки проносилась целая армия великанов.

Колбы с волшебными снадобьями сами собой меняли цвет: бледно-розовая жидкость становилась ядовито-салатовой, начинала бурлить, выплёскивалась через край и, попадая на пол, прожигала в камне дымящиеся отверстия, наполняя комнату едким запахом.

И вдруг...

В дальнем углу появилась зеркальная дверь.

До этого момента Николита не обращала внимания ни на один из странных звуков или явлений. Всё происходящее давно стало для неё привычным.

Но зеркальная дверь заставила ведьму замереть.

Она отбросила свитки, лёгким движением руки прошептала заклинание, и рукописи мгновенно исчезли со стола. Затем медленно повернулась к зеркалу.

Опираясь ладонью о край стола, Николита поднялась и, прищурившись, попыталась разглядеть, что скрывается по ту сторону.

Но зеркало оставалось неподвижным.

Лишь старая, исцарапанная поверхность и её собственное искажённое отражение.

— Ну покажись мне... Я знаю, что ты следила за мной, — тихо произнесла Николита.

Она отпустила край стола и изящным движением пальцев жестом пригласила невидимого гостя войти.

В следующее мгновение зеркало задрожало.

Из каждой царапины медленно начала сочиться густая чёрная жижа.

Она стекала вниз тяжёлыми вязкими струями, расплываясь по полу и заполняя собой всё свободное пространство. Вместе с ней комнату наполнил отвратительный запах сырости и гнили.

— Неужели... я стану свидетельницей её появления?.. — едва слышно прошептала Николита.

— Я думала, она давно канула в забвение... Почему решила явиться именно мне?.. Хотя... наверное, я уже знаю ответ. Просто не хотела в него верить.

Она тяжело вздохнула, словно на её плечах лежала тяжесть всего мира.

Тем временем вязкая чёрная масса продолжала растекаться по полу, пока не образовала идеально ровный круг.

И вдруг...

Всё остановилось.

Маятник часов замер.

Исчезли шаги.

Даже воздух словно перестал двигаться.

Время остановилось.

Николита попыталась сделать шаг, но не смогла.

Ноги стали тяжёлыми, будто пустили в каменный пол глубокие корни.

Из чёрного круга раздался высокий, режущий слух голос.

Жижка вздрогнула, поднялась вверх и медленно приняла очертания огромных человеческих губ.

— Как же трудно было до тебя достучаться... Николи-и-та... — протянули губы.

Их голос больше напоминал змеиное шипение, чем человеческую речь.

Элая была дочерью Габриэль.

И, имея матерью и тётей двух самых могущественных ведьм Западного побережья, она с самого детства унаследовала редкий магический дар.

Элая легко осваивала новые заклинания и без особого труда справлялась со всеми уроками, которые давали ей мать и Николита.

Но было в ней нечто странное.

Габриэль, ослеплённая материнской любовью, этого не замечала.

А вот Николита, всегда холодная и беспристрастная, видела то, что вызывало у неё всё большую тревогу.

Элая почти не расставалась со своими двумя мэренгалами.

Она даже дала им имена — Булик и Борисон.

Что было особенно удивительно, сами мэренгалы считались древними существами. Никто не знал, сколько они живут на самом деле. По легендам, прежде чем выбрать ведьму, которой будут служить, мэренгал должен прожить не менее ста пятидесяти лет.

Лишь достигнув этого возраста, он становился другом, защитником и хранителем тайн своей ведьмы.

Но тем двоим, что сопровождали Элаю, было явно меньше ста лет.

Первый — ловкий и невероятно подвижный — всё время прыгал вокруг хозяйки, постоянно наблюдая за каждым, кто осмеливался приблизиться к ней.

Второй выглядел немного старше. На голове у него неизменно красовался ярко-салатовый колпак. Он постоянно что-то шептал Элае на ухо, а закончив, смешно хлопал лапками, словно отдавая честь, после чего медленно отползал назад и почтительно кланялся.

Николита понимала: всё это неспроста.

Внутреннее чутьё подсказывало ей, что эта парочка мэренгалов не принесёт её племяннице ничего хорошего. Они что-то нашептывали Элае, постепенно меняя её.

Но пока их поведение не выходило за рамки безобидных шалостей, Николита не пыталась различить их.

С каждым годом Элая становилась всё более замкнутой.

Она всё реже искала общества Николиты, а вскоре и вовсе начала избегать её. Иногда между ними вспыхивали короткие перепалки. Элая всем своим видом показывала, что уже выросла и больше не нуждается ни в советах тётки, ни в наставлениях матери.

Однако в присутствии Габриэль она вела себя совсем иначе.

С матерью и тёткой Элая оставалась приветливой, внимательной и удивительно мягкой, словно недавние ссоры никогда не происходили.

Иногда девушка просто исчезала.

Её не было несколько часов, а порой — целый день.

Чаще всего она скрывалась в лавке, находила один из потайных проходов и бесследно исчезала за древними дверями.

Даже Николита уже не помнила, куда ведут все тайные ходы этого необычного здания.

С каждым днём тревога всё сильнее сжимала её сердце.

Она чувствовала: над Гарешем сгущается тьма.

И почему-то была уверена, что её источник — Элая.

Несколько раз Николита пыталась поговорить об этом с Габриэль, но каждый раз встречала лишь раздражение.

— Николита, ты слишком много времени проводишь в своей лавке, — с упреком сказала Габриэль. — Все эти страхи появились потому, что ты сутками сидишь среди своих книг и заклинаний. Иногда мне кажется, что ты уже сама не понимаешь, чем занимаешься.

— Послушай, — взволнованно ответила Николита. — Ты знаешь, что я обладаю даром предвидения. Я чувствую: к нам приближается что-то страшное. Что-то, что уже невозможно остановить. Я пыталась увидеть будущее, но какая-то сила не позволяет мне заглянуть дальше границ Гареша.

— А может, ты ничего не видишь потому, что там просто нечего видеть? — возразила Габриэль, резко взмахнув рукой в сторону города. — Ты всю жизнь чего-то опасешься, постоянно ищешь признаки беды. Но, может быть, впервые за долгие годы нам действительно ничего не угрожает?

Она говорила всё быстрее, словно пыталась убедить не только сестру, но и саму себя.

— Вспомни, Николита, зачем мы пришли в Гареш. Мы мечтали обрести спокойную жизнь. Хотели забыть о ведьмах, войнах, интригах и вечной борьбе. Мы защитили этот город сильнейшими чарами. Ни одна ведьма и ни один колдун не смогут нас здесь найти.

Габриэль на мгновение замолчала, затем уже гораздо мягче добавила:

— И теперь ты подозреваешь собственную племянницу? Ей всего восемнадцать лет. Что она может сделать против нас? Я ещё не встречала ведьму, которая осмелилась бы бросить вызов тебе.

Николита устало махнула рукой, тяжело вздохнула, посмотрела в лазурные глаза сестры и тихо сказала:

— Когда-нибудь такая ведьма всё же появится, Габриэль. Не думай, что мир застыл только потому, что мы окружили себя защитными заклинаниями.

Габриэль ненадолго задумалась.

— Может быть, — наконец ответила она. — Но этой ведьмой будет не Элая.

Она подошла ближе и тихо добавила:

— Прошу тебя, Николита... оставь свои подозрения.

Николита молча развернулась и вышла из комнаты. В коридоре она заметила край платья Элеи, которая едва успела скрыться за поворотом, чтобы никто не заметил, как она подслушивала под дверью.

Николита презрительно усмехнулась и, щёлкнув пальцами, с загадочной улыбкой посмотрела в ту сторону, где только что исчезла Элlea.

— Хорошо, милая... — тихо произнесла она. — Придётся всё-таки узнать, что ты задумала. И у меня точно хватит терпения.

Демонстративно развернувшись, Николита направилась в противоположную сторону. Она уже знала, что нужно делать.

С того дня Николита стала пристально следить за Эллеей и её странными меренгами. Но ей не всегда удавалось понять, куда именно направляется племянница, заходя в лавку. Как только Элlea открывала очередную дверь и исчезала за ней, Николита теряла её из виду. Девушку будто окутывала плотная пелена, похожая на туман, сквозь который Николита не могла ничего различить. Видения становились смутными и запутанными, словно кто-то намеренно подменял образы, скрывая истинное происходящее.

Когда Николита поняла, что у Элlei достаточно сил, чтобы скрывать себя и своих помощников от магического взора, она долго стояла посреди комнаты, не отрывая взгляда от предмета, скрывавшегося в полумраке.

Это был Галахан — тёмный артефакт, о котором ходили легенды. Долгое время Николита даже не подозревала, где он находится. Магия, заключённая в нём, была древней и опасной — чернее самой ночи. Говорили, что Галахан — это осколок Гамалея, отколовшийся в незапамятные времена.

Но если сам Гамалей был артефактом нейтральной силы, сливавшимся со своей хозяйкой и усиливавшим её врождённую магию, то Галахан являлся его полной противоположностью. Он вобрал в себя всю тьму, ненависть и жадность ведьмы, чьё заклинание когда-то откололо его от Гамалея. Говорили даже, что душа той ведьмы до сих пор заточена в этом камне. Но кто знает, правда ли это или всего лишь древняя легенда? События тех времён были настолько далеки, что даже Николита не могла представить, как всё происходило на самом деле.

Рунная магия считалась одной из самых сложных, ведь она сочетала в себе силы всех школ: стихийной магии, хаоса, света и тьмы, времени, разума и теней.

Николита владела лишь двумя — белой и чёрной. Ей удалось достичь редкого равновесия, позволявшего удерживать тьму внутри себя под контролем. Поэтому она не боялась взять в руки Галахан, хотя тот и считался проклятым артефактом.

Она медленно подошла к камню, осторожно взяла его в ладони, переплела пальцы и крепко сжала артефакт между ними. Её губы едва заметно дрогнули, и в тишине прозвучал почти неслышимый шёпот:

— Открой спрятанное. Развей туман. Пусть правда явится передо мной...

Галахан начал мерцать. Тёмные лучи расползались по комнате, словно живые тени.

Пространство наполнил глухой шёпот, тянувшийся от угла к углу. Слова звучали на незнакомом древнем языке, и вскоре на стене начали проявляться силуэты.

Три фигуры.

Одна женская и две мужские. Они шли по длинному коридору.

Николита не сразу поняла, кого видит. Но туман постепенно рассеялся, и вскоре она различила знакомый силуэт — Эллею. Девушка шла позади двух мужчин.

По очертаниям Николита поняла, что один из них был молод: прямая осанка, уверенная и быстрая походка. Второй выглядел старше, а на голове у него виднелся какой-то необычный головной убор.

— Где я это видела?.. — прошептала Николита. — Что-то знакомое... С кем идёт Элlea?.. И куда?..

И вдруг догадка пронзила её, словно молния.

Борисон.

Меренгал.

Но как? Как они смогли принять человеческий облик? Без заклинания трансформации меренгалы не способны сделать этого самостоятельно. А Элlea... Она ведь ещё не умеет пользоваться такими чарами.

— Или умеет?.. — нахмурилась Николита, пристально всматриваясь в движущиеся силуэты. — Где ответы?.. Куда вы направляетесь? Что ищете в подземельях лавки?..

Она глубоко вдохнула, провела ладонью над Галаханом и произнесла заклинание:

— Куда ведёт дорога, по которой идут путники, — открой мне место их привала и укажи точку пути.

Тёмные лучи внезапно закружились по комнате, переплетаясь между собой. Силуэты растаяли, и на стене проступила карта.

По ней двигались три крошечные фигурки, шедшие по извилистому подземному ходу.

Тропа извивалась, затем резко свернула налево... И в тот же миг линии сложились в изображение двери.

Карта погасла, а на стене вспыхнула надпись:

«Великолепие в силе».

Николита отшатнулась.

Галахан тускло мерцал, а её руки дрожали, будто сама тьма, заключённая в камне, на мгновение коснулась её души.

Дорога, по которой двигались три загадочные фигуры, извивалась, словно змея. То поднимаясь вверх, то резко уходя вниз, она казалась живой — будто вела путников не туда, куда они хотели попасть, а туда, куда желала сама. Каменистые стены по обеим сторонам дышали холодом и сыростью. Мрак сливался с камнем, и временами казалось, что тьма становится плотной, почти осязаемой.

Три крошечных огонька, паривших впереди, робко освещали путь, выхватывая из темноты лишь острые выступы скал и неровные тени. Эти странные путники явно что-то искали.

— Элая... Мне кажется, мы почти у цели, — произнёс с почтением невысокий человек в зелёном колпаке. Его голос эхом отразился от каменных стен и затих где-то в глубине пещеры.

— Да... Да, я тоже чувствую... Что-то меняется, — ответил второй спутник — молодой черноволосый парень. Его чёрные, как уголь, глаза метались из стороны в сторону, словно он пытался разглядеть невидимое. В нём ощущались нервозность и неспособность сдерживать эмоции.

— Быстрее! Быстрее! — торопливо прошептал он. — Нам нужно идти, пока...

Булик — так звали маленького человечка — тревожно оглянулся. За их спинами клубилась чернота, и даже три светящихся огонька не могли разогнать её. Тьма будто жила собственной жизнью, шептала и наблюдала.

— Мне кажется, она уже знает... Элая, я чувствую, что она следит за нами, — прошептал Булик, прикусив губу.

Элая медленно обернулась. Её глаза вспыхнули холодным презрением.

— Без сомнения, Булик. Она следит за нами уже давно. И ты прав — она опасна. В отличие от моей матери, Габриэль, чья любовь ко мне ослепила её и лишила способности замечать перемены, Николита остаётся хладнокровной. Она чувствует опасность. Предвидит её.

Элая усмехнулась уголком губ.

— Но даже она не сможет прорвать моё защитное поле. Пусть ищет нас — это бесполезно. Никто не знает, где мы сейчас находимся. Никто...

Последнее слово она произнесла почти шёпотом, и от этого её голос прозвучал особенно холодно и зловеще.

— И всё же... Ты помнишь, что мы должны забрать из этого места? — добавила она. В тот же миг даже три огонька испуганно замерцали, а их свет стал заметно тусклее. Молчание тяжело легло на каменный проход. Тьма словно ещё сильнее сгустилась.

Они свернули за очередной поворот. Элая шла первой, за ней следовали Борисон и Булик. Вскоре путь оборвался: перед ними возвышалась огромная глыба, полностью перекрывшая проход. Было невозможно понять, рухнул ли здесь потолок или кто-то намеренно завалил дорогу. Перед ними оказался ещё один тупик в бесконечных поисках того, что ускользало от них долгие годы.

— Опять тупик! — почти выкрикнул Булик.

— Подожди, — спокойно сказал Борисон. — Не каждая дорога, которая заканчивается, означает конец пути.

Он замолчал, словно сам осознал двусмысленность своих слов, и лишь пожал плечами.

— Хватит нести чушь! — вспыхнул Булик.

Подбежав к каменной глыбе, он несколько раз ударил по ней ногой.

— Нет тут никакой дороги! Видишь? Завал! Конец!

Его крик эхом разнёсся по пещере, постепенно растворяясь где-то вдали, будто сама тьма ответила ему приглушённым вздохом.

Борисон демонстративно отвернулся от Булика, всем своим видом показывая, что не намерен продолжать спор.

Элая неподвижно стояла, глядя в одну точку — в самый центр огромного камня, перекрывшего проход. Её взгляд был холодным, неподвижным и завораживающе пустым. Через несколько мгновений она медленно двинулась вперёд. В тусклом свете казалось, что она не идёт, а плывёт, едва касаясь земли.

Подойдя к глыбе, Элая протянула руку и положила ладонь на её шероховатую поверхность.

— Да... Он за этой преградой, — прошептала она. — Я чувствую его...

В тот же миг стены пещеры задрожали. Из трещин в камне вырвались алые нити света, мгновенно вспыхнувшие пламенем. Оно охватило всё пространство вокруг, обжигая воздух. Мир окрасился в кроваво-красный цвет, и лишь небольшой круг, где стояли Элая, Борисон и Булик, остался нетронутым.

Пламя росло, извивалось, будто живое. Казалось, ещё немного — и оно поглотит последний клочок безопасности.

Элая подняла руки, скрестила их на груди, затем резко развела в стороны. Пространство вокруг них вспыхнуло алым куполом. Защитное поле засияло, зашипело, и языки пламени с гулом ударились о его границы. Огонь шипел, словно разъярённый зверь, не в силах добраться до добычи.

— Фух... — облегчённо выдохнул Борисон. — Мы были близки к тому, чтобы...

— ...превратиться в жаркое, — закончил Булик, нервно хихикнув.

Он осторожно протянул руку к куполу и тут же вскрикнул:

— Ай! Горячо!

Элая ничего не ответила. Она сосредоточенно смотрела на каменную глыбу и снова коснулась её рукой.

В то же мгновение земля содрогнулась ещё сильнее. С потолка посыпались камни, огромные глыбы с грохотом падали на защитный купол, отскакивали и осыпались по сторонам.

Одна особенно тяжёлая глыба рухнула прямо на барьер. Раздался оглушительный удар. Воздух завибрировал, а защитное поле застонало, словно трескающееся стекло. Элаю кач-

нуло, и она едва удержалась на ногах. Из её ладоней вырвались алые лучи, подпихивая стремительно ослабевающий барьер.

Но удерживать всё сразу было невозможно. Она поддерживала защитный купол, сдерживала бушующее пламя и одновременно скрывала их от магического взора Николиты. Даже её силы оказались безграничны.

По барьеру побежали трещины — сначала едва заметные, затем всё глубже и шире.

— Нет... — прошептала Элая.

Но было уже поздно.

Щит раскололся и рассыпался тысячами искр, словно его никогда и не существовало.

Элая без сил рухнула на каменный пол.

Борисон и Булик переглянулись. В их глазах промелькнуло понимание: конец близок.

Языки пламени уже прорывались внутрь. Воздух раскалился до предела. Одежда Булика начала тлеть, кожа покрывалась ожогами.

Не раздумывая ни секунды, Борисон бросился к Элае, прикрывая её собой. Булик последовал за ним. Они накрыли её своими телами, пытаясь защитить хотя бы на несколько мгновений. Возможно, именно этих мгновений ей хватит, чтобы прийти в себя.

Головной убор Борисона вспыхнул. Он сорвал цилиндр — тот самый, с которым не расставался даже в самых опасных приключениях, — и отбросил его прочь.

Пламя рычало, жадно облизывая их последнее убежище. Всё вокруг дышало смертью.

И вдруг...

Элая медленно приоткрыла глаза.

Собрав последние силы, она поднялась на колени. Её лицо озарилось огненным светом — то ли отражением бушующего пламени, то ли чем-то, рождавшимся внутри неё самой.

Она раскинула руки и громко прокричала:

— Верни мне всё, что я дала...

Наполни жизнью все сердца...

И тьма, и свет — зажгите мои глаза!

Её голос эхом прокатился по пещере, и даже стены, казалось, содрогнулись от этой древней магии.

Купол, который уже рассыпался на глазах, вдруг начал восстанавливаться. Его осколки не исчезали — наоборот, они стремительно собирались воедино, сплетаясь в вихрь ослепительной энергии.

Всё вокруг застыло.

Воздух стал густым, словно смола.

В следующий миг энергия вспыхнула, превратившись в единый ослепительный луч, который пронзил Элаю насквозь.

От мощного удара Борисона и Булика отбросило в стороны. Они с грохотом ударились о каменные стены.

Элая поднялась в воздух.

Её тело парило над землёй, окружённое языками пламени, которые больше не причиняли ей вреда, а словно признавали своей хозяйкой. Глаза ведьмы вспыхнули тем же алым светом, что и окружавший её огонь, — ослепительным, пугающим, нечеловеческим.

На мгновение она замерла, а затем резким, почти безумным движением вырвала из собственной груди луч, пронзивший её тело. Взмахнув рукой, Элая направила его в сторону каменной преграды.

Раздался оглушительный грохот.

Луч пробил глыбу насквозь. В камне осталась идеально круглая дыра — чёрная, словно бездна. По её краям расплавленная порода ещё тлела и дымилась, а сама глыба теперь напоминала древнее сгнившее дерево, готовое рассыпаться в прах.

Из отверстия донёлся странный звук — тонкий свист, постепенно переходящий в писк. Он нарастал, превращаясь в вибрацию, а затем — в низкий гул, от которого дрожала сама земля.

Булик и Борисон бросились к Элае.

Она лежала без сознания, бледная, с едва заметным дыханием. Они звали её, трясли за плечи, но она не приходила в себя.

Тем временем отверстие в камне становилось всё шире. Гул усиливался, а воздух закручивался в огромные спирали.

И вдруг из чёрной бездны вырвался вихрь — тёмный, яростный, живой.

Он закружился с невероятной силой, поднимая с пола пепел, камни, языки пламени и всё, что попадалось на его пути. Всё вокруг неудержимо затягивало внутрь, словно в пасть бездонной пропасти.

— Элая!!! — успел крикнуть Борисон, прежде чем вихрь поглотил их всех.

Мир содрогнулся.

И всё стихло.

Пламя исчезло.

Камни неподвижно легли на землю.

Пещеру вновь окутали тьма и пустота.

Наступила такая тишина, будто здесь не ступала нога живого существа тысячи лет.

Ни звука.

Ни света.

Ни дыхания.

Лишь мёртвый, застывший воздух древнего места, где судьба вновь сделала свой выбор.

Глава 2. Тайна вихря

Свистящий голос, донёсшийся из грязевой лужи, произнёс слова, от которых у Николиты пробежал холод по спине. Дыхание стало тяжёлым. Она понимала: всё происходящее — не видение и не игра воображения, а самая настоящая реальность.

— Великолепие... в силе... Возрождение... Тьма вернулась... Она станет во главе ордена... — последние слова больше походили на шипение, чем на человеческую речь.

Николита попыталась сделать шаг вперёд, но тело не слушалось, будто само пространство сдавило её со всех сторон.

Туман, стелившийся по полу, начал медленно подниматься. Воздух стал влажным и липким. Одежда тяжело прилипала к телу, капли влаги стекали по лицу и шее.

Она уже знала, кто пришёл.

Но не понимала, как это возможно. Ведь это место было создано её магией.

Все защитные чары исчезли.

Она не чувствовала в себе даже искры силы.

На мгновение промелькнула мысль позвать Габриэль... Но нет.

Если бы незваная гостья хотела убить её, она бы уже это сделала.

Любопытство оказалось сильнее страха.

Николита решила ждать.

Лужа грязи медленно поднялась, вытягиваясь вверх.

Сквозь густой туман постепенно вырисовывалась женская фигура — изящная, гибкая, но пугающе чужая. Волосы спадали до самой поясицы, а с них стекали тяжёлые капли, падавшие на пол и тут же ползущие обратно к телу.

С каждым шагом с неё осыпались комья грязи, но не исчезали. Они словно были живыми, цеплялись за неё и стремились вновь принять прежнюю форму.

И вдруг...

Что-то щёлкнуло внутри.

Николита почувствовала, как будто что-то разрывается, ломается... а затем возвращается на своё место.

Магия.

Она вновь потекла по её венам — горячая, обжигающая.

Пламя в ладонях вспыхнуло само собой.

Николита вскинула руку, и огненный шар мгновенно сорвался с её пальцев.

Одним движением она метнула его в зеркало, из которого вытекала эта тварь.

Раздался взрыв.

Но вместо осколков во все стороны разлетелись брызги болотной жижи, клочья мха и распространился отвратительный запах сырости.

Фигура из грязи задрожала, словно её поразила молния. Последние комья слизи осыпались на пол, и Николита наконец увидела женщину.

Чёрные глаза. Длинные волосы до пояса. Точёная фигура. Чуть неровные губы, которые не портили её внешность, а лишь придавали опасное, почти хищное очарование. Невысокая, но от неё исходила такая сила, что воздух вокруг словно становился тяжелее.

— Людрина... — произнесла Николита, гордо приподняв голову. — Кто бы мог подумать, что после всего ты ещё жива.

— Ну, жива или не жива — не тебе это решать, моя дорогая, — с ленивой улыбкой ответила та.

Она повернулась к разбитому зеркалу, слегка склонила голову набок и, капризно надув губы, произнесла:

— Хотя... и не мне тоже.

— А кто же тогда решает в твоём случае? — холодно усмехнулась Николита. — Или ты уже поднялась на такой уровень магии, где смерть — всего лишь формальность? Я собственными глазами видела, как после встречи с Габриэль тебя разорвало на атомы. Мне даже вмешиваться не пришлось.

Людрина лишь фыркнула.

— Мы многое видим, моя дорогая. Вопрос лишь в том, во что готовы поверить.

Она медленно подошла ближе, не сводя с Николиты пристального взгляда.

— Я пришла не для того, чтобы ворошить старые счёты. То, что я увидела в своих видениях, заставило меня задуматься: возможно, на какое-то время нам придётся... помочь друг другу. Да, даже Габриэль. Если, конечно, мы переживём ближайшие дни.

— Переживём? — переспросила Николита.

— Да. Именно так. Пе-ре-жи-вём, — с наслаждением растягивая каждую букву, ответила Людрина.

— И что же ты увидела?

Голос Николиты стал жёстким.

— Именно об этом я и пришла рассказать. Хоть ты и спрятала себя, сестру и вашу любимую девочку... Как её там?... Элая? Если память мне не изменяет.

— Элая, — сухо ответила Николита. — Говори.

Людрина тяжело вздохнула.

— Тогда без лишних предисловий. Ваша милая Элая очень скоро завладеет Гамалеем.

Она пренебрежительно махнула рукой в сторону пола, стряхивая с пальцев остатки грязи.

— Ты ведь знаешь, что она уже бродит по твоим подземельям. Только боишься признаться самой себе, что именно Элая станет новой главой ордена «Великолепие в силе».

Ордена, с которым у тебя связаны очень старые воспоминания...

Николита побледнела.

— Гамалей?! — её голос сорвался на крик. Воздух вокруг задрожал. — Этот камень находится здесь? Под нашими ногами? Почему я не почувствовала его?!

Она почти вплотную подошла к Людрине.

— Ты уверена? Откуда тебе это известно?

— Я знаю гораздо больше, чем ты думаешь, — спокойно ответила Людрина.

Она щёлкнула пальцами.

Комната погрузилась во тьму.

Ещё один щелчок.

В дальнем углу вспыхнули чёрные лучи, медленно расплываясь по стенам.

Это выглядело противоестественно: сама тьма излучала свет.

Лучи исходили от маленького обломка камня, лежавшего на полу.

Николита осторожно подошла ближе, ощущая древнюю, первозданную силу.

— Галахан... — прошептала она. — Откуда он у тебя?

— Это сейчас неважно, моя дорогая. Важно другое. Ты больше не можешь увидеть, где находится Элая и куда она идёт.

А я могу.

Людрина протянула ей Галахан.

Николита заколебалась, но всё же взяла камень.

В тот же миг на стене вспыхнула проекция.

По карте двигались три алых силуэта.

Элая.

И два меренгала.

Ярко-красные линии переплелись, складываясь в древний символ, а затем на поверхности камня вспыхнула надпись:

«Великолепие в силе».

Элая, придя в себя, поняла, что оказалась в какой-то пещере.

Она сделала круговое движение пальцем, и вокруг неё вспыхнули три небольших огонька. Маленькие сферы света мягко разогнали мрак. Одним движением руки она отправила один огонёк влево, второй — вправо, а третий поднялся высоко вверх, освещая свод пещеры и позволяя понять, насколько глубоко они провалились.

Вскоре издали донеслось недовольное бормотание Борисона.

Он стонал, причитал и явно был крайне недоволен происходящим.

— Ой, чтоб мне пусто было! Всё болит! Нога точно сломана! И самое ужасное — я не могу найти свой головной убор!

Булик уже подбежал к Элае, тревожно озираясь по сторонам.

— Госпожа, вы целы? Не ушиблись? Может быть, вам помочь?

— Со мной всё в порядке, — раздражённо ответила Элая. — Если не считать того, что я совершенно не понимаю, где мы и что, чёрт побери, произошло.

Она резко обернулась.

— Борисон! Где тебя носит?!

Из освещённой огоньками темноты наконец появился Борисон. Он ковылял, волоча за собой ногу, с таким несчастным видом, будто действительно собирался умереть. Подойдя к Элае, он привычно поклонился.

Элая невольно улыбнулась.

Ей всегда нравились его старомодные реверансы. В них было что-то забавное и одновременно подчёркивавшее её собственное величие.

— Что с ногой? — спросила она.

— Боюсь, моё приземление оказалось менее удачным, чем у вас... и у Булика, — смущённо ответил Борисон.

Элая тяжело вздохнула.

Несмотря на свою гордость, она искренне любила обоих спутников.

Она опустила на колени, положила ладони на повреждённую ногу и тихо произнесла заклинание.

Мягкий свет окутал её руки.

Через несколько секунд нога Борисона вновь стала совершенно здоровой.

— Ах, благодарю вас, госпожа! — воскликнул он.

Борисон уже хотел поклониться, но вдруг смущённо остановился.

Коснувшись головы, он печально произнёс:

— Простите... Но мне неловко делать реверанс перед столь уважаемой леди без моей шляпы.

Элая закатила глаза.

— Шляпа, говоришь?

Она щёлкнула пальцами.

Из темноты со свистом вылетела ярко-салатовая шляпа Борисона. Элая ловко поймала её и водрузила ему на голову.

— Теперь можешь кланяться.

Борисон торжественно поклонился.

— Величайшая из всех ведьм... и самая справедливая!

Элая фыркнула, хотя уголок её губ невольно дрогнул.

Ей это явно понравилось.

Она отвернулась и внимательно посмотрела в глубину пещеры.

Парившие вокруг огоньки слегка потускнели.

А далеко впереди, за каменной аркой, вспыхнуло странное свечение.

— Там что-то есть... — тихо произнесла Элая. — И мне это... совсем не нравится.

Людрина стояла неподвижно. Её лицо оставалось невозмутимым, словно высеченным из мрамора. Лишь слегка надутые губы выдавали сдержанное раздражение. Воздух вокруг будто застыл. Издалека тянуло холодом, и только тихое потрескивание стен нарушало мёртвую тишину.

Николита дрожала — не от страха, а от того, что разум отказывался принять увиденное.

Медленно она отвернулась от каменной стены, где всё ещё двигались три неясные фигуры, словно их проецировала сама тьма.

Она глубоко выдохнула. Пар её дыхания медленно растаял в холодном воздухе.

— Как же мы с Габриэль не заметили, что она так изменилась?.. — тихо произнесла Николита. — Почему именно Элая?..

В её голосе звучали боль и растерянность.

— Я понимала, что она что-то задумала. Пыталась разгадать её тайны... Но откуда ей известно о Гамалее? Ни я, ни Габриэль никогда не говорили ей об этом.

Тишина затянулась.

С потолка медленно упала капля воды.

Кап...

Кап...

Николита перевела взгляд на Людрину. Её пальцы нервно тёрлись друг о друга, словно пытаясь согреться.

— Если она найдёт этот камень... — голос дрогнул и оборвался.

Людрина коротко усмехнулась.

— Да, моя милочка. Тогда всем нам придёт конец. Ни ты, ни твоя любимая сестра, которая так старательно пыталась меня убить, ни даже Серафим не смогут устоять перед той силой, что пробудится в этой девчонке.

Её глаза на мгновение вспыхнули, и воздух вокруг тихо зашипел, словно сама магия оживала рядом с ней.

— Послушай моего совета, Николита, — холодно продолжила она. — Личной ненависти к тебе я не испытываю. Мои счёты — только с Габриэль. Но если твоя племянница возьмёт в руки этот проклятый камень...

Людрина сплюнула на пол. Слюна зашипела так, будто прожгла каменную пыль.

— Не смей с ней сражаться. Особенно в Гареше. Там её сила станет поистине неодолимой.

Николита тихо ответила:

— Не только в Гареше... Нигде. Если Гамалей окажется у неё, спасти её уже не удастся.

Людрина медленно улыбнулась. Уголки её губ едва заметно дрогнули.

— Ошибаешься, дорогая. Есть одно место, где Гамалей бессилен. Где его руны молчат.

На стене фигуры начали растворяться. Их очертания сжимались, а воздух вокруг глухо гудел, словно перед грозой.

Николита подошла ближе и коснулась рукой последнего силуэта — женского.

Камень под её пальцами задрожал и рассыпался пылью.

— Габриэль это просто убьёт... — прошептала она.

— Габриэль? — Людрина издала хриплый смешок. — Или та девчонка, о которой ты так печёшься?

На последнем слове из её рта выпал грязный комок. Раздался мерзкий влажный звук. Она закашлялась, сплюнула, и в её ладони оказался кусок пергамента, пропитанный землёй и слизью.

— Что это? — спросила Николита, не сводя взгляда с грязного свёртка.

— Карта, — хрипло ответила Людрина. — Точнее, указание, где вы сможете меня найти. Это всего лишь моя копия. Ты же не думаешь, что я настолько безумна, чтобы явиться лично туда, где вскоре начнётся пир под названием «Поедание душ»?

Николита осторожно взяла пергамент.

Он тихо зашуршал, словно высохшая кожа.

Она встряхнула его. Грязь осыпалась, и в свете слабого пламени проступили линии, символы и древние письмена.

Среди них едва различалась надпись:

«Болотная Пустошь».

— Болотная Пустошь?.. — удивлённо переспросила Николита. — Никогда не слышала об этом месте.

— Разумеется, не слышала, — усмехнулась Людрина. В её взгляде мелькнула лёгкая горечь. — Если бы ты знала о нём, меня давно не было бы в живых. И твоя Габриэль до сих пор гонялась бы за мной, пытаясь завершить начатое.

Она надула губы и неожиданно усмехнулась.

— Какое счастье... Родилась эта девчонка, и Габриэль наконец оставила меня в покое.

Николита аккуратно сложила пергамент и убрала его в карман.

Подойдя чуть ближе, она спросила:

— Габриэль никогда не рассказывала, что произошло между вами. Почему вы стали врагами? С тобой лично я почти не пересекалась и могу судить лишь по слухам, которые о тебе ходили...

— О, моя милая... — хрипло рассмеялась Людрина. — Большинство этих слухов — чистая правда. Я не стану ничего отрицать. Мне никогда не хватало выдержки, которой обладаешь ты. Любой, кто вставал у меня на пути, рисковал умереть... Иногда — просто потому, что мне не нравилось его поведение.

Она медленно подняла взгляд.

— Но сейчас не время обсуждать мои моральные качества.

Людрина ненадолго замолчала.

Воздух в комнате стал густым, словно пропитался болотным паром.

— Я знаю лишь одно, — наконец продолжила она. — Если мы не начнём действовать вместе, всем нам придёт конец. Ты прекрасно знаешь, на что способен этот камень. Он не оставит никого из нас в живых.

Только одна ведьма.

Только одна сила.

Так гласила надпись у входа в Пантеон:

«Великолепие — в силе».

Разве не так?

— Да... — тихо ответила Николита. — Именно так.

— Что особенного в этой пустоши? Почему именно там Гамалей не сможет проявить свою силу?... — начала она, но договорить не успела.

Людрина вдруг содрогнулась.

Её тело начало рассыпаться.

Сначала осыпалась кожа с руки.

Потом — с ноги.

По всему телу побежали трещины, из которых проступала густая грязь.

Через несколько мгновений перед Николитой осталась лишь бесформенная куча тёмной жижи.

— Она нашла его... Время уходит... Найди меня... В пустоши... На болотах... — донёсся слабый, затихающий шёпот, эхом разлетаясь по комнате.

Свечи вдоль стен дрогнули.

Пламя зашипело и стало быстро разгораться.

Николита дрожащими руками достала из кармана пергамент.

Развернула.

Карта была цела.

Путь был указан.

Она подняла руки и тихо прошептала:

— Укрой меня от чужих глаз и скрой мой дом от тьмы, что прячется снаружи.

Комната вспыхнула фиолетовым светом.

Книги, пергаменты, травы — всё растворилось в воздухе.

Остались лишь четыре голые стены и свечи, парящие в пустоте.

Николита провела ладонью по воздуху.

В стене открылся тёмный проём.

Она шагнула внутрь.

Проход тут же закрылся, словно его никогда не существовало, а на стене ещё несколько мгновений мерцал слабый след фиолетового сияния.

Николита задержала на нём взгляд.

В её глазах отражались усталость, решимость и едва заметная тень сомнения.

— Пора навестить Габриэль, — тихо прошептала она. — Пора рассказать ей обо всём...

Хотя в глубине души Николита почти не верила, что этот разговор сможет что-либо изменить, другого выбора у неё не оставалось.

Элая стояла неподвижно, внимательно наблюдая за мерцающим светом в глубине пещеры, куда они провалились.

Свет то вспыхивал, то исчезал, то приближался, то вновь отдалялся. Казалось, будто кто-то невидимый играл с ней в жестокую игру.

— Ну что ж... Посмотрим, кто ты... или что ты, — тихо произнесла она.

Элая подняла голову, медленно провела рукой по воздуху, очерчивая круг.

Через мгновение в её ладони вспыхнул огромный огненный шар. Вторым движением она метнула его вперёд. Плавающий сгусток стремительно понёсся к своду пещеры, за которым мерцал загадочный свет.

Когда шар достиг цели, Элая резко развела руки в стороны.

Огненный сгусток раскололся надвое.

Два плавающих шара с оглушительным рёвом устремились в темноту.

Раздался первый удар.

За ним — второй.

Потом третий.

Белые огоньки внезапно пришли в бешеное движение. Они заматались по пещере, всё быстрее приближаясь к тому месту, где стояли Элая, Борисон и Булик.

И вдруг раздался жуткий вопль.

Он прокатился по каменным сводам, заставив их содрогнуться. В нескольких местах потолок не выдержал, и вниз с грохотом обрушились огромные глыбы.

Булик с невероятной ловкостью метался между падающими камнями, перепрыгивая с одного валуна на другой.

Лишь один острый обломок полоснул его по руке, оставив глубокий порез, но он даже не остановился.

Борисон же остался совершенно невозмутим.

Он снял свой цилиндр, перевернул его вверх дном, и все камни, летевшие прямо в него, словно затягивались внутрь шляпы, бесследно исчезая.

Ни один из них не коснулся Борисона.

Арочный свод, отделявший Элаю от непроглядной темноты, покрылся трещинами.

С той стороны доносились тяжёлые удары.

На одно короткое мгновение сквозь пыль и пламя Элая различила огромное тело — чудовище, объятые огнём.

Ещё один удар.

Ещё.

Арка не выдержала и с оглушительным треском разлетелась на части.

Каменные глыбы с грохотом полетели прямо в сторону Элай.

И тогда из темноты вырвалось оно.

Огромная мантикора.

Тело могучего красного льва.

Голова человека.

Хвост скорпиона.

Рыжая грива пылала, словно была соткана из живого огня.

Во рту сверкали три ряда острых зубов, а ярко-голубые глаза напоминали холодное небо после грозы.

На конце хвоста покачивалось длинное жало, покрытое смертельным ядом, способным убить одним уколом.

Мантикора зарычала.

Её рык походил на вопль тысячи погибших душ.

Чудовище стремительно бросилось на Элаю.

Хвост со свистом рассекал воздух, постоянно меняя направление, сбивая с толку и скрывая настоящий удар.

Элая мгновенно поняла, что произошло.

Именно её огненные шары разбудили это древнее существо и ранили его.

Теперь у мантикоры была лишь одна цель.

Убить ту, что осмелилась нарушить её покой.

Мантикора рванулась к Элае.

Её длинный смертоносный хвост рассекал воздух со свистом, словно клинок, жаждущий плоти. Расстояние между ними стремительно сокращалось. Ещё два прыжка — и чудовище нанесёт смертельный удар.

Первое, что заметила Элая, — Булик и Борисон стояли прямо между ней и зверем.

Сердце болезненно сжалось.

Они не смогут задержать эту живую лавину смерти даже на мгновение.

Её руки закружились в стремительном, почти неуловимом движении. Пальцы вспыхнули алым светом, когда она направила их в сторону спутников. С губ сорвались древние слова заклинания. Они звучали едва слышимым шёпотом, но сам воздух отзывался на них вибрацией.

Из кончиков её пальцев потекла алая энергия.

Она окутала Булика и Борисона, образовав вокруг каждого сияющую защитную сферу.

Элая резко вскинула руки вверх, а затем мощным движением отбросила обе сферы назад — туда, откуда они пришли.

Заклинание с невероятной силой швырнуло их в тёмный коридор.

Булик и Борисон покатались прочь, скрываясь во мраке.

Лишь голос Борисона ещё долго разносился эхом по подземелью:

— Госпожа-а-а!.. Нет!.. Вы не справитесь с ним одна!..

Его крик постепенно стих.

Из глубины пещеры ещё некоторое время доносился только глухой стук катящихся магических сфер.

Мантикора, ещё мгновение назад мчавшаяся с бешеной скоростью, внезапно остановилась.

Её огромная голова начала судорожно вращаться, почти выворачиваясь вокруг собственной оси. Она резко вскидывала морду вверх, затем опускала вниз, словно пыталась уловить присутствие чего-то невидимого.

Потом замерла.

Из её ноздрей вырывался свистящий, почти демонический хрип, а густая слизь стекала на лапы и каменный пол, шипя при соприкосновении с раскалённым камнем.

Элая уже приготовилась к новой атаке, но невольно растерялась.

С чудовищем происходило что-то странное.

Огромное тело содрогалось в конвульсиях.

Лапы подкашивались, будто сама земля отказывалась удерживать его.

Казалось, ещё мгновение — и мантикора рухнет замертво.

Но приступ закончился так же внезапно, как начался.

Чудовище резко тряхнуло головой.

Во все стороны полетели клочья его пылающей гривы.

Вся пещера мгновенно вспыхнула алым светом.

Пламя заполнило каждый угол, не оставив ни единой тени.
Огненная волна стремительно устремила к Элае.
Жар ударил ей в лицо, руки и ноги.
Она инстинктивно отступила назад.
Но нескольких шагов было недостаточно, чтобы уйти от бушующей стены огня.
Элая рухнула на колени и с силой ударила обеими ладонями по каменному полу.
Её пальцы словно прошли сквозь твёрдую породу, как сквозь мягкий воск.
Крик ведьмы прокатился по всей пещере.
Теперь её голос был сильнее собственного страха.
— Я, Элая, ведьма земли, воздуха, воды и огня, приказываю тебе — подчинись моей воле!
Камень, мой союзник, восстань и стань моей защитой!
Она резко вырвала руки из камня.
Вместе с ними вверх взметнулись тысячи каменных осколков.
Они стремительно соединились, образовав перед ведьмой гигантский щит.
В следующее мгновение в него ударил поток пламени.
Столкновение породило ревущий огненный вихрь — живой, неукротимый, словно древний дух огня.
Элая медленно поднялась в воздух.
Её движения напоминали древний танец стихий — плавный, точный, завораживающий.
Пламя подчинилось ей.
Огненный вихрь послушно следовал каждому движению её рук.
Он двигался туда, куда указывала ведьма.
Почувствовав, что стихия полностью покорилась её воле, Элая резко взмахнула руками.
С оглушительным рёвом огненный ураган устремился прямо в мантикору.
Чудовище оказалось в самом центре бушующего вихря.
Пламя подхватило его и подняло высоко вверх.
Элая невольно вздрогнула.
Только теперь она поняла, что над ареной боя всё-таки существует потолок. До этого ей казалось, будто пещера уходит в бесконечность.
Когда вихрь унёс мантикору к самому своду, ведьма уже почти поверила в свою победу.
Но внезапно сверху раздался глухой удар.
Из темноты дождём посыпались обломки — то ли стекло, то ли обожжённый камень.
Они с гулом разбивались о пол, рассыпаясь искрами, похожими на угасающие частицы древнего заклинания.
Элая на мгновение застыла.
Но уже через секунду снова собралась.
Она ждала нового удара.
Ждала новой ловушки.
Огромное тело рухнуло прямо перед ней.
Красный лев.
Человеческое лицо.
Хвост скорпиона.
Рыжая грива, пылающая, словно раскалённая медь.
Три ряда идеально острых зубов.
И ярко-голубые глаза, холодные, как зимнее небо.
Мантикора лежала неподвижно.
Не дышала.
Не рычала.
Не издавала своего жуткого свиста.

Она лишь смотрела на Элаю широко раскрытыми глазами, в которых навсегда застыли ярость и неверие.

Элая медленно повернула голову в ту сторону, куда несколькими мгновениями раньше отправила Булика и Борисона.

Там царила абсолютная темнота.

Ни звука.

Ни движения.

— Хм... Кажется, я слегка перестаралась, — пробормотала она, задумчиво прикусив палец. — Теперь они, наверное, будут вечно катиться по этим тайным ходам в моих защитных сферах...

Она тихо усмехнулась.

— Хотя... если это Булик, то он точно не выберется. А вот Борисон... Борисон наверняка найдёт выход.

Едва эта мысль промелькнула у неё в голове, тишину нарушил знакомый звук.

Тук...

Тук...

Тук...

Мелкие, неуверенные шаги.

Именно так всегда ходил Борисон.

— Госпожа! Госпожа! — тонкий голос эхом разнёсся по огромному залу.

Из темноты показалась фигурка Борисона в его нелепом цилиндре. Он засеменил быстрой, почти переходя на бег, смешино подпрыгивая на каждом шагу.

— Госпожа, как вы? Не стоило нас спасать! Мы бы смогли вам помочь...

Он осёкся.

Его взгляд упал на огромное тело, распростёртое у ног Элай.

— Это... то, о чём я думаю?..

Борисон медленно подошёл ближе, словно боялся, что одно неосторожное слово способно разбудить чудовище.

— Ну, наверное, то, о чём ты думаешь. Откуда мне знать, что именно ты там себе надумал? — буркнула Элая, даже не оборачиваясь.

Набравшись смелости, Борисон осторожно приблизился ещё на шаг.

Затем легонько пнул мантикору в голову.

И тут же отпрыгнул назад, готовый в любую секунду броситься бежать.

Но чудовище не шелохнулось.

Лишь глухое эхо удара прокатилось по пещере, словно отголосок чего-то древнего и давно умершего.

— Лучшие скажи, где Булик? — холодно спросила Элая, наконец повернувшись к нему. В её голосе звучали привычные надменность и недовольство.

Борисон смущённо развёл руками.

— Ну... он где-то шёл следом. Я же ему не нянька. Да и, госпожа, прежде всего мне хотелось убедиться, что с вами всё в порядке. Что мне тот Булик...

В этот момент из темноты появилась ещё одна фигура.

Одежда Булика была разорвана в клочья, руки и лицо покрывали кровь и ссадины, но он, словно не замечая боли, уверенно шёл к Элае. Каждый шаг давался ему с трудом, однако он прямо держался прямо, не позволяя себе показать слабость.

— А вот и второй явился! Что-то вы сегодня слишком долго собираетесь, — бросила Элая.

Не дожидаясь ответа, она резко развернулась и направилась туда, откуда совсем недавно вырвалась мантикора.

Булик молча последовал за ней.

Борисон, не желая отставать, бросил последний взгляд на поверженное чудовище.

И по какой-то совершенно необъяснимой прихоти снова пнул его ногой.

В следующее мгновение хвост мантикоры сорвался с места и с грохотом рухнул прямо на Борисона, придавив его к каменному полу.

— Помогите!.. Она жива!.. Она хочет меня убить! Госпожа, осторожно! — завизжал он, отчаянно пытаясь выбраться.

Булик не выдержал.

Он рухнул на пол и, держась за живот, покатился по камням, заходясь неудержимым смехом.

Даже Элая не смогла сохранить серьёзность.

Она закрыла лицо ладонью и тоже рассмеялась.

Её смех звенел, словно рассыпающееся стекло, — холодно, хищно, но впервые за долгое время совершенно искренне.

— Что вы смеётесь?! — продолжал вопить Борисон. — Она живая! Она сейчас меня съест! Госпожа! Булик! Спасите меня!

Так продолжалось несколько минут.

Наконец Борисон, окончательно выбившись из сил, понял, что хвост просто свалился на него после удара.

Мантикора оставалась неподвижной.

Мёртвой.

Холодной.

Он осторожно выбрался из-под тяжёлого хвоста, тщательно отряхнул одежду, поправил зелёный спортик, водрузил на место свой нелепый цилиндр и, словно ничего не произошло, торжественно поклонился.

— Всегда к вашим услугам.

Ваши Борисон.

Элая лишь покачала головой.

— Всё. Хватит комедии. Собрались.

Она уверенно направилась к разрушенному своду, за которым притаилась крошечная тьма.

Шаг за шагом троица приближалась к пролому.

Элая всё отчётливее ощущала, как в воздухе сгущается странная энергия.

С каждой секундой тихий шорох становился громче.

Постепенно он превратился в низкий, тяжёлый гул.

Казалось, сама пещера дышала.

— Неужели ещё одна мантикора?.. — тихо пробормотал Булик, переглянувшись с Борисоном.

— Хм... Не думаю, — нахмурившись, ответил тот. — Этот звук другой... Большие похож на ветер.

Или на...

...зов.

Элая ускорила шаг.

Любопытство оказалось сильнее страха.

Подойдя ближе, она почувствовала, как меняется сам воздух. По одну сторону разрушенного свода струилось мягкое, непонятно откуда исходящее сияние. По другую — простиралась абсолютная тьма, из глубины которой доносился глухой гул, похожий на чьё-то тяжёлое дыхание.

Что-то в этом звуке казалось мучительно знакомым.

*Элая нахмурилась, пытаясь вспомнить, где уже слышала его раньше.
Но память молчала.*

— Что ж... пора узнать, что скрывается в этой тьме, — тихо произнесла она, словно бросая вызов неизвестности.

Она обернулась к своим спутникам.

Те молча смотрели на неё.

Не дожидаясь ни слова, Элая шагнула вперёд.

В неизвестность.

Едва она переступила невидимую границу, всё её тело окутала странная сила — холодная, вязкая, почти живая.

Невидимый поток подхватил ведьму и закружил в стремительном вихре.

С каждым оборотом её поднимало всё выше.

И выше.

Элая попыталась остановиться, ухватиться хоть за что-нибудь.

Но ладони проходили сквозь полупрозрачные оранжевые стены, словно сквозь густое желе.

Вихрь продолжал неумолимо закручивать её.

Магическая спираль пела.

Звенела.

Переливалась огненно-золотым светом.

Пространство вокруг исчезло.

Остались лишь бесконечное вращение, сияние и этот странный гул.

Элая перестала сопротивляться.

Она приняла очевидное.

Её уносила неизвестная сила, и бороться с ней было бесполезно.

— Ха... А ведь я даже не знаю ни одного заклинания... против вращения, — с усмешкой пробормотала она, прежде чем золотистое сияние почти полностью поглотило её силуэт.

«Разве что можно было бы просто взорвать это место...»

Мысль показалась заманчивой.

Но тогда вместе с этим местом могла взорваться и она сама.

Элая решила пока не экспериментировать с подобным колдовством.

Через некоторое время рядом с ней возник Булик.

Следом появился Борисон.

В очередном витке вихря с его головы сорвался цилиндр — тот самый, с которым он не расставался никогда.

Элая и Булик невольно наблюдали за тем, как Борисон отчаянно пытался поймать свою шляпу.

Но стоило ему протянуть руку, как она снова ускользала, будто насмехаясь над своим хозяином.

Элая заметила, что каждый новый виток поднимает их всё выше.

Она попыталась пошевелиться.

Безуспешно.

Не удавалось ни двинуть рукой, ни произнести хоть слово.

Даже дышать становилось всё тяжелее, словно само пространство сковывало их тела.

Булик посмотрел на неё.

В его глазах читался немой вопрос:

«Ты собираешься что-нибудь делать?»

Элая едва заметно покачала головой.

Где-то глубоко внутри она чувствовала: сейчас нужно просто довериться происходящему.

Это не её битва.

И не её время.

Минуты тянулись одна за другой.

Возможно, прошло уже около получаса.

Они всё так же кружились внутри оранжевого вихря, поднимаясь всё выше.

А гул, который прежде доносился из соседнего зала, становился всё громче.

Всё тяжелее.

Всё невыносимее.

В какой-то момент он заполнил собой всё пространство.

Троица одновременно зажала уши.

Но это не помогло.

Гул проникал прямо в сознание.

Он взрывался в череп, отдаваясь в каждой кости.

Казалось, ещё немного — и барабанные перепонки не выдержат.

И вдруг...

Ослепительная вспышка.

Всех троих с невероятной силой выбросило на пол.

Он оказался прозрачным и хрупким, словно был сделан из тончайшего стекла.

Гул исчез.

Наступила абсолютная тишина.

Она длилась всего несколько секунд.

Потом по огромному залу прокатился резкий треск.

Словно ломалось стекло.

Элая сразу вспомнила, как мантикора ударилась о потолок и сверху посыпались странные обломки — то ли камня, то ли стекла.

Тогда звук был почти таким же.

Скрежет.

Будто один разбитый стеклянный осколок медленно тёрся о другой.

Элая осторожно поднялась.

Помещение тонцло в полумраке.

Единственным источником света оставался оранжевый вихрь, продолжавший медленно пульсировать в самом центре зала.

Она сделала один осторожный шаг.

И в тот же миг всё вокруг задрожало.

Будто тысячи тонких хрустальных бокалов одновременно коснулись друг друга.

Комната застонала.

Как живое существо.

Каждое движение отзывалось дрожью в стенах, а прозрачный пол под ногами звенел, словно натянутая струна.

Элая мгновенно замерла.

Одно неверное движение...

И это странное, хрупкое пространство могло рассыпаться на тысячи осколков.

Булик и Борисон тоже стояли неподвижно.

Затаив дыхание.

Они боялись даже моргнуть.

Глава 3. Принять правду

Николита держала правую руку в кармане, крепко сжимая ветхий пергамент с картой. Она боялась выронить его по дороге к Габриэль.

Её шаги были почти бесшумны. Казалось, она не шла, а парила над каменным полом, большие напоминая призрака, чем живого человека.

В голове крутилась лишь одна мысль:

«Габриэль мне не поверит. Как... каким образом убедить её в том, что всё, что я только что увидела, — правда?»

А ещё Людрина...

Одно только упоминание этой ведьмы могло заставить Габриэль запустить в неё пару огненных шаров.

«Элая... девочка моя... Что должно было случиться, чтобы Гамалей завладел тобой?..»

Николита внезапно остановилась.

«Стоп... Пока она ещё не нашла его. Если мы с Габриэль успеем вмешаться сейчас... возможно, нам удастся её спасти.»

Но почему Людрина предупредила не сражаться с Элаей в Гареше?..

Столько вопросов.

И ни одного ответа.

Неужели, что бы мы ни сделали, дорога всё равно приведёт нас к одному и тому же финалу?..

Николита крепче сжала карту, на которой был отмечен путь через Болотную Пустошь.

Вопрос заключался лишь во времени.

Сколько его у них осталось?

И успеют ли они помешать Элае найти проклятый камень?

Погрузившись в размышления, Николита не заметила, как упёрлась в тупик.

Перед ней возвышалась каменная стена.

Она решила, что, задумавшись, случайно свернула не туда.

Обернувшись, ведьма застыла.

Позади тоже была каменная стена.

Справа и слева простиралась лишь непроглядная тьма.

Николита осторожно протянула руку, пытаясь нащупать, что скрывается в этой пустоте.

И вдруг что-то с невероятной силой схватило её за запястье.

Невидимая хватка резко дёрнула её во тьму.

Ещё мгновение — и рука могла просто оторваться.

Но столь же внезапно неизвестная сила отбросила ведьму обратно.

Удар оказался настолько мощным, что кости едва не треснули.

Николита резко отступила и взглянула на пострадавшую руку.

Запястье стремительно покрывалось синяками.

На коже отчётливо проступили отпечатки чужой ладони.

Нет...

Не ладони.

Четырёх длинных пальцев, большие напоминавших лапу огромной жабы, чем человеческую руку.

Она осторожно провела пальцами по синякам и вновь осмотрелась.

Пытаясь понять, где оказалась.

Хотя, если быть честной, даже сама Николита не знала всех входов, выходов и скрытых комнат своей лавки.

Не говоря уже о бесчисленных пещерах, скрывавшихся под ней.

Иногда лавка жила собственной жизнью.

Когда-то она появилась благодаря мощному заклинанию, которое Николита вложила в этот дом.

Но ведьма и представить не могла, что однажды её собственное колдовство станет самостоятельным.

Что лавка начнёт создавать свои тайны.

Менять проходы.

Принимать собственные решения.

И далеко не всегда подчиняться своей хозяйке.

Однако это её не раздражало.

Наоборот.

Николита считала это главным доказательством собственного мастерства.

До неё ещё ни одной ведьме не удавалось вдохнуть жизнь в неодушевлённый предмет и позволить ему самостоятельно развиваться.

— Только не сегодня... — устало выдохнула она. — День и без того выдался тяжёлым. Почему именно сейчас ты решила поиграть со мной в свои загадки?

Она тяжело вздохнула.

Сегодня у неё совершенно не было настроения разгадывать очередные причуды своей лавки.

Николита скрестила руки на груди, а затем резко развела их в сторону каменной стены. С её ладоней сорвались два ярко-синих сгустка энергии.

В следующее мгновение стена с оглушительным грохотом разлетелась на тысячи осколков.

Переступив через обломки, ведьма неожиданно остановилась.

Она медленно обернулась к непроглядной темноте.

Потёрла повреждённую руку.

Ещё раз взглянула на отпечатки четырёх пальцев.

И неодобрительно покачала головой.

— Это была очень плохая шутка, лавка... — прошипела она.

Её голос больше напоминал змеиное шипение, чем человеческую речь.

— Когда у меня появится время, я обязательно вернусь сюда... И узнаю, кто скрывается в этой темноте.

Развернувшись, Николита медленно пошла по узкому коридору.

Лишь эхо её шагов сопровождало ведьму.

— Я вернусь...

...вернусь...

...всё узнаю...

...узнаю...

...узнаю...

Шёпот тянулся следом, отражаясь от стен так, словно сама лавка повторяла её слова.

Наконец, за очередным поворотом показалась знакомая дверь.

Та самая.

Она вела из тайных коридоров прямо в лавку.

Каждый день сюда приходили десятки, а порой и сотни посетителей.

Одни с любопытством разглядывали стеклянные колбы.

Другие изучали древние свитки.

Кто-то любовался волшебными кольцами, загадочными амулетами или книгами, медленно парившими под самым потолком.

Весь главный зал был пропитан магией и тайной.

Именно эта загадочная атмосфера манила сюда даже самых осторожных путников. Народ сюда стекался самый разный.

Когда-то Гареш ничем не отличался от сотен других небольших городков. Здесь жили пекари, фермеры, рыбаки, кузнецы и торговцы. Но всё изменилось после появления лавки.

Слухи о её чудесах быстро разлетелись далеко за пределы города, и вскоре в Гареш потянулись люди со всех уголков мира.

Однако далеко не все приходили с добрыми намерениями.

Одни мечтали о лёгкой наживе.

Другие надеялись что-нибудь украсть.

Третьи хотели обманом завладеть редкими артефактами и бесследно исчезнуть.

Порой приезжие нападали даже на местных жителей.

Подобные происшествия тревожили гарешей и нарушали их спокойную, размеренную жизнь.

Каждый раз, когда случалось что-то подобное, Николита испытывала чувство вины.

Ей казалось, что именно лавка притягивает сюда таких людей.

Но больше всего её удивляло другое.

За всё время, что они с Габриэль жили в Гареше и держали лавку, ни один настоящий гареш так и не переступил её порог.

Каждый вечер, ровно в пять часов, жители собирались возле фонтана на главной площади.

Того самого фонтана, который стоял вверх дном.

Они танцевали, пели, пили хмельной напиток, смеялись и радовались жизни.

И никому из них даже не приходило в голову заглянуть в лавку и попытать своё счастье.

Николита стремительно влетела в главный зал.

Промчавшись мимо посетителей, она оставила за собой лёгкий поток воздуха, закрутившийся маленьким вихрем.

При её приближении дверь сама со скрипом распахнулась.

Через мгновение ведьма уже стояла на главной площади, у перевернутого фонтана.

Она внимательно осмотрелась.

Не изменилось ли здесь что-нибудь за время её отсутствия?

Но всё вокруг выглядело привычно.

Спокойно.

Даже немного скучно.

Часы показывали всего два часа дня.

Каждый был занят своим делом.

Даже струйки воды, стекавшие с перевернутого фонтана, казались ленивыми, словно и они не желали нарушать тишину этого дня.

Николита немного успокоилась.

Время ещё было.

Быстрым шагом она направилась к окраине Гареша.

Именно там она рассчитывала найти Габриэль.

Обычно в это время сестра уходила за пределы города, чтобы заниматься своими колдовскими делами.

Какими именно, Николита никогда не интересовалась.

Несмотря на то что рядом с Элаей Габриэль казалась спокойной, заботливой и даже мягкой, Николита слишком хорошо знала её истинную сущность.

Она знала ту Габриэль, которая без колебаний могла уничтожить деревню.

Город.

Или даже целое государство, если сочла бы это необходимым ради своей цели.

Но с тех пор как сёстры поселились в Гареше, Габриэль больше не интересовали ни войны ведьм, ни борьба за власть.

Иногда она даже смеялась, вспоминая собственные победы и поражения.

Говорила, что пришло время оставить прошлое позади и уйти на заслуженный покой.

Порой она с улыбкой добавляла, что чувствует, как её магическая сила постепенно покидает её.

Но Николита прекрасно знала:

Это ложь.

Если ведьма рождается ведьмой, если в её жилах течёт ведьмовская кровь, то неважно, какой магией она владеет.

Сила никогда не покинет её.

Разве что...

Николита неожиданно остановилась.

Разве что её можно отнять...

— Отнять... Пустошь... и Людрина... — едва слышно прошептала она.

Её глаза вспыхнули алым пламенем.

Николита с трудом подавила желание выплеснуть наружу вспыхнувшую ярость.

— Хм... — задумчиво произнесла она, постукивая указательным пальцем по виску. — Что-то подсказывает мне, что я двигаюсь в правильном направлении...

Эта мысль лишь ускорила её шаг.

Не прошло и десяти минут, как Николита оказалась за пределами Гареша.

Вдали виднелась знакомая фигура.

Габриэль.

Николита глубоко вдохнула.

Медленно выдохнула.

И направилась к сестре.

Она была готова ко всему.

К угрозам.

К проклятиям.

К потокам огня.

К любому заклинанию, которое Габриэль могла обрушить на неё.

Габриэль владела магией Хаоса — магией разрушения — на высочайшем уровне.

Не раз она пыталась овладеть также магией Света и Тьмы.

Но в этих искусствах Николита значительно превосходила сестру.

Поэтому использовать против неё светлую или тёмную магию было бессмысленно.

Исход такого поединка оказался бы предрешён.

Если бы однажды Габриэль пришлось сразаться с Николитой, она воспользовалась бы только Хаосом.

Ведь она не просто постигла эту магию.

Она создала собственную ветвь искусства Хаоса.

За пределами Гареша у Габриэль было множество учениц, мечтавших пройти именно её путь.

Но с тех пор как она поселилась в этом городе, обучение других ведьм перестало её интересовать.

Слишком долго в прошлом она сражалась за идеи, которые, если задуматься, никогда не были ей по-настоящему близки.

Николита медленно приближалась к сестре.

В одном кармане она крепко сжимала старый пергамент с картой.

Другая рука лежала во втором кармане, нащупывая предмет, который она успела забрать из своей тайной комнаты.

Подойдя почти вплотную, Николита снисходительно улыбнулась, стараясь придать своему лицу как можно более беззаботное выражение.

Габриэль, слишком хорошо знавшая старшую сестру, сразу поняла — разговор предстоит непростой.

— Привет, Габриэль. Чем ты сегодня занимаешься?

Николита вынула руки из карманов, сложила их на груди и, задумчиво перебирая пальцами, принялась осматривать место, где они находились.

— Моя заботливая сестра... — с лёгкой усмешкой ответила Габриэль, прищурившись и гордо вскинув голову. — Я больше чем уверена, что ты пришла поговорить о чём-то очень важном.

Она сделала короткую паузу.

— Иначе, думаю, я не увидела бы тебя здесь ещё несколько лет. Если память мне не изменяет, последний раз мы встречались на этом месте, когда ты потеряла ключи от лавки. Со стороны могло показаться, что разговор начинается напряжённо.

Но это впечатление было обманчивым.

После короткой словесной перепалки Николита подошла к сестре и крепко обняла её.

В эти объятия она вложила всю любовь, на которую была способна.

Габриэль обняла её в ответ.

Тепло.

Искренне.

По-настоящему по-сестрински.

Первой разомкнув объятия, Габриэль серьёзно посмотрела Николиту в глаза.

— Прежде чем ты начнёшь... я хочу сказать тебе спасибо.

— Спасибо? — удивлённо переспросила Николита. — За что?

Габриэль грустно улыбнулась.

— Я знаю, зачем ты пришла.

Она опустила взгляд.

— И для меня очень важно, что ты решила рассказать мне обо всём. Что поверила: ради спасения мира я не стану ставить свою дочь выше всех остальных.

Она тяжело вздохнула.

— И ещё... я хочу попросить у тебя прощения.

Николита молча слушала.

— Моей ошибкой было то, что я не рассказала тебе о своих страхах за Элаю. Я видела... чувствовала, как тьма постепенно окутывает её и уводит всё дальше от нас.

Голос Габриэль дрогнул.

— Я приходила сюда каждый день, надеясь остановить это.

Каждый день.

Я перепробовала все заклинания, которые знала.

Даже те, которых не знала, но сумела раздобыть.

Она горько усмехнулась.

— И, как видишь... ничего не помогло.

То, что ведёт Элаю...

Выходит далеко за пределы наших возможностей.

Она медленно подняла взгляд на сестру.

— Если честно... даже за пределы твоих, Николита.

Слова прозвучали почти шёпотом.

Будто признание собственного поражения.

*Не выдержав, Габриэль опустилась на землю.
Она бессильно раскрыла ладони.
Николита вздрогнула.
Кожа на руках сестры почернела.
Местами она обуглилась и покрылась глубокими трещинами, словно её долго держали в самом сердце огня.*

— Ох... моя дорогая... Что же ты с собой сделала?..

*Николита тут же опустилась рядом.
Она осторожно взяла ладони Габриэль в свои руки, стараясь причинить как можно меньше боли.*

*Физические раны она могла исцелить.
Но душевные...
Они были ей неподвластны.*

*Николита медленно поднесла ладони сестры к губам и осторожно подула на них.
Тёплый поток магии коснулся обожжённой кожи.
Чёрная корка начала трескаться.
Медленно осыпаясь пеплом, она исчезала, открывая под собой молодую, нежно-розовую кожу.*

*Габриэль молча наблюдала за происходящим.
И вдруг не выдержала.
По её щекам покатились слёзы.*

— Я пыталась остановить её сегодня, Николита...

Голос сорвался.

— Мою девочку...

Она судорожно вдохнула.

— Но посмотри...

Посмотри, что она со мной сделала...

Я ведь...

Я её мать...

*Николита молча прижала Габриэль к себе, осторожно прижав её голову к своей груди.
По её щекам тоже медленно скатились несколько слезинок.
Но уже в следующее мгновение она резко поднялась на ноги, схватила сестру за плечи и сильно встряхнула.*

— Хватит, Габриэль! Я сказала — хватит!

Её голос прозвучал неожиданно жёстко.

— Вспомни, кто ты. Вспомни, кем была всю свою жизнь! То, что ты не смогла остановить Элаю, ещё ничего не значит.

Николита глубоко вдохнула, стараясь успокоиться.

— Сегодня у меня произошла очень странная встреча...

Она на мгновение замолчала.

— Только прошу... не швыряй в меня молнии, хорошо?

Габриэль словно очнулась.

Она внимательно посмотрела на сестру.

Её губы едва заметно шевельнулись.

— ...Людрина.

Николита застыла.

Такого она совсем не ожидала.

— Откуда ты знаешь о моей встрече с Людриной? — удивлённо спросила она.

Габриэль тяжело вздохнула.

— Я стояла за стеной, когда она пришла к тебе. Я слышала весь ваш разговор. Она опустила взгляд.

— Когда ты начала следить за передвижением Элай, я сразу отправилась к ней, надеясь остановить её.

— Ты встретишься с ней лицом к лицу? — изумлённо спросила Николита.

Она прекрасно знала, что ни она, ни Габриэль не владеют магией телепортации или искажения пространства.

Этим искусством владела только Людрина.

— Нет, конечно, — покачала головой Габриэль. — Я создала на её пути мантикору и управляла ею отсюда.

Она невесело усмехнулась.

— Но, как видишь, безуспешно.

Габриэль медленно подняла исцелённые ладони.

— Элая сама того не понимая использовала защитное заклинание. Именно оно сожгло мне руки.

Она с тревогой посмотрела вдаль.

— И это её сила без Гамалея...

Голос её стал тише.

— Мне страшно даже представить, какой она станет, когда завладеет камнем.

Она уже совсем близко.

Наступило тяжёлое молчание.

Наконец Николита заговорила:

— Тогда ты слышала и слова Людрины.

Она предупреждала, что ни при каких обстоятельствах нельзя вступать в бой с Элаей именно в Гарее.

Я до сих пор не понимаю почему.

Габриэль лишь пожала плечами.

— Сейчас я многого не понимаю, Николита.

Она посмотрела сестре прямо в глаза.

— Что ты думаешь о Болотной Пустоши? О том месте, куда Людрина предлагает нам отправиться?

Она немного помолчала.

— И ты действительно считаешь, что мы не должны мешать Элае?

Мы ведь ещё можем попытаться остановить её здесь.

— Можем, — задумчиво ответила Николита.

Она опустила взгляд.

— Но мне кажется... Людрина права.

Медленно сунув руку в левый карман платья, Николита достала Галахан.

Стоило древнему камню оказаться у неё на ладони, как по воздуху прокатилась едва уловимая вибрация.

Послышалось низкое гудение.

Сам воздух словно начал сжиматься.

Свет вокруг на мгновение исказился и будто стал втягиваться в сердцевину Галахана.

Казалось, ещё немного — и сам мир начнёт складываться внутрь этого небольшого камня.

Но Николита быстро спрятала артефакт обратно.

Гудение исчезло.

Воздух вновь стал обычным.

А пространство словно облегчённо выдохнуло.

Габриэль внимательно посмотрела сначала на сестру, потом на её карман.

— Ты думаешь о том же, о чём и я? — тихо спросила она.

— Думаю, да, — кивнула Николита. — Людрина... Болотная Пустошь... Галахан...

Она на мгновение задумалась.

— Когда я сложила эти три части головоломки вместе, то начала понимать замысел Людрины.

Габриэль усмехнулась.

— Никогда не любила эту мерзкую ведьму.

Она покачала головой.

— Но должна признать... в её словах есть смысл.

Затем её лицо вновь стало серьёзным.

— Только один вопрос всё ещё не даёт мне покоя.

— Какой?

— Зачем ей всё это?

Николита медленно покачала головой.

— Возможно, в Пустоши нас ждёт ловушка.

Она может хотеть выманить нас обеих из Гареша.

И убить.

Николита посмотрела на сестру с лёгкой улыбкой.

— Насколько я помню, ты ведь когда-то уже убивала Людрину?

— Да, убивала, — спокойно ответила Габриэль.

На её лице появилась насмешливая улыбка.

— Видимо, я действительно начинаю стареть, если она до сих пор разгуливает по болотам, размахивая своими вонючими кусками грязи.

— А может... всё наоборот? — задумчиво произнесла Николита. — Может быть, помогая нам, она спасает и себя?

Сёстры переглянулись.

И одновременно рассмеялись.

Эта мысль показалась им слишком невероятной.

Они взялись за руки.

Николита развернула старый пергамент с картой, ведущей в Болотную Пустошь.

Их взгляды встретились.

Обе молча кивнули друг другу.

Решение было принято.

Что бы ни ожидало их впереди, они были готовы вместе противостоять Гамалею.

Посмотрев на карту, Николита задумчиво провела пальцем по красной нити, обозначавшей путь к месту назначения.

Неожиданно её палец остановился на всем известном городе Дуганицит, через который проходила дорога.

Николита подняла голову и посмотрела на Габриэль.

Та уже заметила это, казалось бы, случайное совпадение. Но обе ведьмы прекрасно понимали — путь был выстроен именно так не случайно.

Им предстояло попасть в Дуганицит, чтобы встретиться с одним старцем, жившим в этом городе.

Габриэль подняла голову, посмотрела на Николиту и сквозь стиснутые зубы произнесла:

— Серафим... Ну как же без этого безумного старика?

Она презрительно усмехнулась.

— Каждый раз, когда в этом мире происходят события, способные перевернуть всё с ног на голову, обязательно всплывает этот старик.

С этими словами Габриэль резко отшвырнула карту с руки Николиты.

Да с такой силой, что пергамент отлетел в сторону и упал на землю.

Николита без каких-либо эмоций подняла карту, аккуратно стряхнула с неё пыль, бережно свернула и положила обратно в карман.

Она ничего не сказала Габриэль по поводу её вспыльчивости.

Лишь глубоко вздохнула и посмотрела в сторону, противоположную Гарешу.

— Я думаю, Габриэль...

Но договорить Николита не успела.

Сестра перебила её и с какой-то нечеловеческой свирепостью начала размахивать руками, выкрикивая в адрес Серафима самые нелестные слова.

Похоже, эта гневная тирада не закончилась бы даже к заходу солнца, если бы Николита сама не закричала.

— Да замолчи ты уже, Габриэль!

Её голос с такой силой разнёсся по окрестностям Гареша, что испуганные птицы сорвались с деревьев и разлетелись в разные стороны.

Казалось, даже эта фраза долетела до самого Дуганицита.

Голос Николиты звучал низко, мощно и настолько грозно, что под его натиском, казалось, прогнулись даже вековые деревья.

Габриэль мгновенно успокоилась.

Будто её окатили ледяной водой.

Она молча посмотрела на Николиту.

— Ну... если нам всё равно предстоит попасть в Дуганицит, необязательно же мне встречаться с ним? Правда, Николита?

— Необязательно, — спокойно ответила Николита. — Если наш путь выстроен таким образом, что нам необходимо увидеть Серафима, встретиться с ним могу и я.

Она едва заметно улыбнулась.

— Давай будем честны, Габриэль. Как бы ты к нему ни относилась, он единственный, кто знает тайны, которые древнее самого этого мира.

Николита на мгновение задумалась.

— Я даже не представляю, сколько ему лет. Да и, думаю, никто этого не знает. Иногда мне кажется, что всю мою жизнь он ходил со своим посохом и разнюхивал всё, что происходит в мире.

Она тихо усмехнулась.

— И знаешь... я тоже не могу сказать, что сильно люблю этого старика. Но, в отличие от тебя, меня он хотя бы не пытался убить.

Габриэль невольно улыбнулась.

Но почти сразу машинально потёрла правую руку.

Ту самую, которую Серафим едва не оторвал во время их последней встречи.

Та битва давно стала легендой.

Серафим почти никогда не вмешивался в войны, сражения или интриги. За это его нередко упрекали ведьмы самых разных ковен и школ магии.

И именно одна из немногих битв с его участием произошла против Габриэль.

Эта история заслуживала отдельного рассказа.

Можно лишь сказать одно: в том поединке не оказалось ни победителя, ни побеждённого.

Однако Габриэль заплатила за него высокую цену.

На долгое время она лишилась значительной части своего могущества.

Лишь спустя годы ей удалось вернуть утраченную силу.

На этом их противостояние с Серафимом, можно сказать, и закончилось.

Без победителя.

И без проигравшего.

— Думаю, нам пора отправляться, — наконец произнесла Габриэль. — Судя по всему, Элая уже близка к тому, чтобы завладеть Гамалеем. И к этому моменту нас не должно быть в этом городе.

— Габриэль... — тихо произнесла Николита, резко обернувшись в сторону Гареша. — Как ты думаешь... она не тронет город? Не причинит вреда всем этим добрым гарешам, когда всё произойдёт?

Она долго смотрела на город, которому отдала столько любви и заботы, сколько только могла.

Габриэль тоже перевела взгляд на Гареш.

— Думаю, если мы уйдём отсюда, с городом ничего не случится.

Она покачала головой.

— Не думаю, что Элая вернётся сюда, чтобы уничтожить Гареш.

Теперь у неё будет совсем другая цель, Николита.

Она посмотрела сестре прямо в глаза.

— Ты забыла главное правило Гамалея.

Только одна ведьма.

Только одна сила.

Только один Гамалей.

На последних словах её глаза мгновенно почернели.

Из них исчезли тепло и жизнь.

Перед Николитой вновь стояла не заботливая мать Элай, а великая ведьма Хаоса.

— Поэтому слова Людрины о том, что нельзя начинать бой с Элаей именно в Гареше, теперь кажутся мне куда более понятными. Если смотреть на происходящее не глазами матери, которая любит свою дочь, а глазами ведьмы Хаоса, всё становится на свои места.

Глаза Габриэль вновь приобрели обычный цвет.

Она глубоко вздохнула.

— Нам пора.

Мы и так слишком долго здесь разговариваем.

Две ведьмы молча развернулись и направились прочь от маленького города, где продолжался самый обычный день — тихий, спокойный и ничем не примечательный для жителей Гареша.

Никто из них ещё не подозревал, насколько скоро их мир изменится навсегда.

Глава 4. Падение во тьму

Элая застыла.

Под её ногами всё отчётливее раздавался хруст стекла — медленный, протяжный, будто сама тьма трескалась под её шагами.

Сначала тихо.

Потом всё громче.

Хр-р-р... хруст...

Тонкие трещины начали расползаться по чёрному полу, уходя куда-то в бесконечную темноту.

Борисон и Булик молча взялись за руки, ожидая развязки этой жуткой сцены.

Даже вечно суетливый Булик сейчас не произносил ни слова.

Его глаза были широко раскрыты, а уши нервно подрагивали.

Борисон тяжело сглотнул.

— Госпожа... мне это место совершенно не нравится... — прошептал он так тихо, будто боялся, что сама тьма услышит его голос.

Но Элая не ответила.

Она стояла неподвижно, слегка опустив голову, и что-то бормотала себе под нос.

Слова звучали обрывками древнего языка — тихими, вязкими, словно рождались не во рту ведьмы, а где-то глубоко внутри самой пещеры.

Сдерживающее заклинание.

Пальцы Элай едва заметно дрожали.

Алые искры то вспыхивали вокруг её ладоней, то мгновенно исчезали.

Хруст усилился.

В какой-то момент трещины под ногами Элай вспыхнули тусклым багровым светом.

Булик резко дёрнул Борисона за рукав.

— Ты это видел?.. Видел?!

Но Борисон лишь медленно кивнул, не сводя взгляда с пола.

Казалось, под прозрачной чёрной поверхностью что-то движется.

Что-то огромное.

И оно поднималось всё ближе.

Элая резко подняла голову.

Её глаза вспыхнули алым светом.

— Не двигайтесь... — тихо произнесла она. — Что бы ни произошло... не сходите с места.

Голос ведьмы изменился.

Он стал глубже.

Чужим.

Будто вместе с ней говорил кто-то ещё.

В следующее мгновение пол под ногами Элай окончательно треснул.

Раздался оглушительный звон.

Свод пещеры рухнул.

Но осколки стекла не полетели вниз, как должны были.

Они замерли в воздухе.

На одно короткое мгновение всё вокруг застыло, будто сама пещера перестала дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.